

Он и остроумный бытовой наблюдатель, и гениальный рассказчик, и блистательный социальный сатирик. Но уже при жизни – **ВЕЛИКИЙ** писатель: тонкий, вдумчивый и пронзительный... Его не стало ровно два года назад – 6 ноября 2020 года. Ему исполнилось 86 лет. Несомненно, он сумел сделать наш мир гораздо лучше и добрее. Он был мудр и оптимистичен – этот знаменитый одессит с потёртым коричневым портфелем, ставший общепризнанным олицетворением интеллектуального юмора. Но его шедевры – нечто большее, чем просто юмор. Как правило, это философские размышления о жизни, о времени и о нас с вами.

Кадр из фильма «Одесский пароход»

«БОЯТЬСЯ НЕ НАДО!»

текст и фото **Анатолий Семёнов**

ОДЕССИТ

Михаил Михайлович Жванецкий родился в 1934 году в Одессе, которая всегда оставалась его любимым городом. И всю свою жизнь он не устал признаваться ей в любви. «Еда, женщины и юмор – вот три столпа, на которых держится одессит, – уверен Михаил Михайлович. – Конечно, нельзя потерять двести тысяч жителей (а именно столько этот город покинуло за годы после перестройки) и остаться тем же самым. Наверное, нет. Поэтому Одесса сейчас живёт повсюду. Одесса «размазана» тонким слоем по всему миру: от Израиля до Брайтон-Бич. Поэтому – встречаешь и узнаешь. Встречаешь и здороваешься. Когда тебе в Нью-Йорке кричат из такси: «Мишка, привет!» или из такси в Тель-Авиве: «Жванецкий, здорово!». Или в Берлине кто-то сидящий за рулём тебя приветствует, то ты и там понимаешь, что это Одесса. Вообще, думаю, Одесса – это характер. Одесса – это теория. Одесса – это мировоззрение. Одесса – это поведение и особая интонация.

В детстве я попал в одесскую школу № 118 к учителю Борису Ефимовичу Друкеру. Педагогу по русскому языку и литературе. Возможно, вы даже слышали мой монолог, ему посвящённый. А сейчас о нём уже написали многие из тех, кто в разные годы у него

учился. Оказывается, он преподавал по системе Марра (был такой академик). Мой товарищ по классу, Толя, как-то познакомился в Москве с одной девушкой из Омска. Потом они уехали, каждый к себе. Он – в Одессу, а она – в Омск. Вскоре он написал ей письмо на 4 листах. Написано было без единой ошибки. И она решила выйти за него замуж. Вот до чего может довести человека грамотность! Когда я писал школьные сочинения, Борис Ефимович уже обращал на них внимание. И всегда нам ставил в пример своих учеников прежних лет: поэтов и писателей. Например, поэта-песенника Игоря Шаферана. Вот что может сделать для человечества всего один преподаватель. Когда он – настоящий УЧИТЕЛЬ. Еврей, преподающий русский язык. В это он вложил всю свою жизнь! Привил эту свою любовь нам, и мы гордимся этим. Мы – носители великого русского языка! Ученики 118 школы города Одессы...

Именно в этом городе я познакомился и с великим Аркадием Райкиным. После того, как в 1964 году попал на его концерт. Божество! Таким было моё первое впечатление от Аркадия Исааковича. Совершенно простое, рядом с тобой стоящее БОЖЕСТВО! И ведь я даже по-

пал к нему в театр, много монологов написал для него. А через какое-то время он назначил меня завлитом своего театра. Я сам писал, потом показывал ему написанное посредством дуэта Ильченко-Карцев. У меня характер просто чудесный. Видимо поэтому, как и у всякого пишущего, моё стремление к одиночеству стало порождать определённые недоразумения. Одиночество требовалось мне для нормального функционирования головы. А театральные шум-гам и галдёж часто попросту мешали такой работе.

Конечно, Райкин был великий артист! Но потом мне стало понятно, что он настолько великий артист, что постоянно находится в состоянии игры. Вот он – «сидящий артист». А теперь – «сидящий и внимательно слушающий артист». Или – «выходящий из себя Аркадий Райкин». Причём даже когда «спектакль» был направлен на меня, это вызывало у меня неподдельное восхищение. Однако, настоящий театр и не может существовать без диктатуры. Поэтому, когда Аркадий Исаакович, просматривая ворох бумаг в своём кабинете, среди сценариев и миниатюр вдруг на столе наткнулся на моё заявление об уходе, то подписал его не раздумывая.

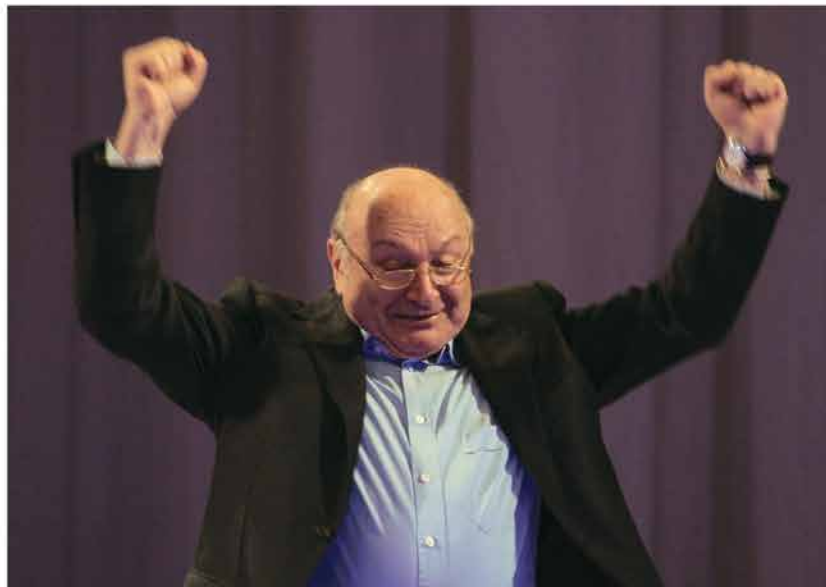
Тогда и начался совсем другой Жванецкий. Те же самые произведения я стал произносить самостоятельно. И это пошло «в народ». Миниатюры зазвучали из магнитофонов на пляжах и из-за всех заборов. Буквально из каждого окна...»

САТИРИК

«Что же такое сатирик? Ну нет же такой профессии, – говорит Михаил Михайлович. – Что же это такое за злобное существо, огрызающееся на всё вокруг? И это что, профессиональный человек? Власть сказала: «Да!» А он тут же сказал: «Нет!» Власть сказала: «Налево!», а он повернул направо. Ему говорят: «Пойдём сюда!» Он отвечает: «Не пойду туда!» Ему: «Не пей, горячее!» А он это самозабвенно пьёт. Ну что ж за характер такой? Ведь нет же такого характера! И если всё-таки есть, то значит прикидывается человек вот таким идиотом-профессионалом. А он должен быть художником, и искусством у него должно быть его воображение. Он и плачет, и смеётся. Но он чувствует тоньше и чутче других. И это совсем не сатирик, а просто человек с очень чувствительной кожей. А если говорить обо мне, то здесь ещё чуть-чуть природное, возможно, даже еврейское качество. А именно, если я посвятил чему-то монолог, то обязательно закончу так: «А вот и суть!»

Ну страху в моей работе, честно говоря, что при советской власти, что сейчас – одинаково. Только тогда был страх сверху. Ты мог попросту, что называется, «загреть». Сейчас страх – снизу. Тебя всё равно могут прибить, но где-то за углом. Можешь получить по голове где угодно на улице. Ну просто как обычный прохожий. Ты же не знаешь, кто идёт тебе навстречу в милицейской форме: бандит или полицейский. То есть страх остался по жизни. Так получалось, что раньше мы выражали мнение всех: от самого верха – до самого низа. Некий второй секретарь уж точно не прикидывался и в душе частенько был скрытым противником советской власти. Ведь, в принципе, умные люди думают одинаково. Другое дело, он высказывается не так. Надо было понять, почему он за советскую власть, а все остальные – против. Как же так, мы все всё понимаем, а он один не понимает? При встрече дома за столом он – умнейший человек. Он всё осознает. Конечно, он – мерзавец, но всё понимает. И усердно прикидывается, что за советскую власть. В те времена мы с коллегами выражали мысли

большинства. И «душ прекрасные порывы» всех наших слушателей. А сейчас, когда пишешь какой-то монолог, то выражаешь мысли лишь некоей жалкой части общества, а именно – либеральной интеллигенции. Прислушался к себе: оказалось – либерал! И не собиравшись, а оказался. Как дурак! Получается, свою гражданскую позицию я обнаружу, только когда что-то напишу. Мне говорят: «Ну как же так, Миша? Надо чётко обозначать свою позицию!» А я вот не могу. Вот только когда напишу, она там начинает как-то проявляться. Просто я стал говорить новым языком. Вот и вся моя сатира!

Сейчас время более броских текстов, чем у меня. Более смешных, наверно. Не весёлых, но смешных. Много хохочем, но не очень веселимся. В ходу, как правило, какие-то торговые темы, базары, тещи, мамы и салоны красоты. Петросян и «Аншлаги». И вот мой главный парадокс: чтобы написать текст, нужно совсем мало времени. Зато чтобы его исполнить, даже мне необходимо ГОД! Чтобы «въехать» в образ, который сам же я и написал. Видимо, когда пишешь, то даже не осознаёшь, что просто живёшь в этом образе. А потом опять его поймать – очень даже тяжело. Вот такая своеобразная технология. Говорят, что у меня есть ни на кого не похожий стиль письма. Вот несколько фраз произнесёшь, и уже можно узнать. Это считают неким достижением, но я тоже в этом не виноват. Ведь это естественно, как походка, как жестикация. Однажды, в самолёте, мой сосед из соседнего кресла со смехом признался, что из ВСЕГО Льва Толстого наизусть помнит всего один афоризм про «все счастливые семьи счастливы одинаково». Зато из Жванецкого может целую сотню процитировать!

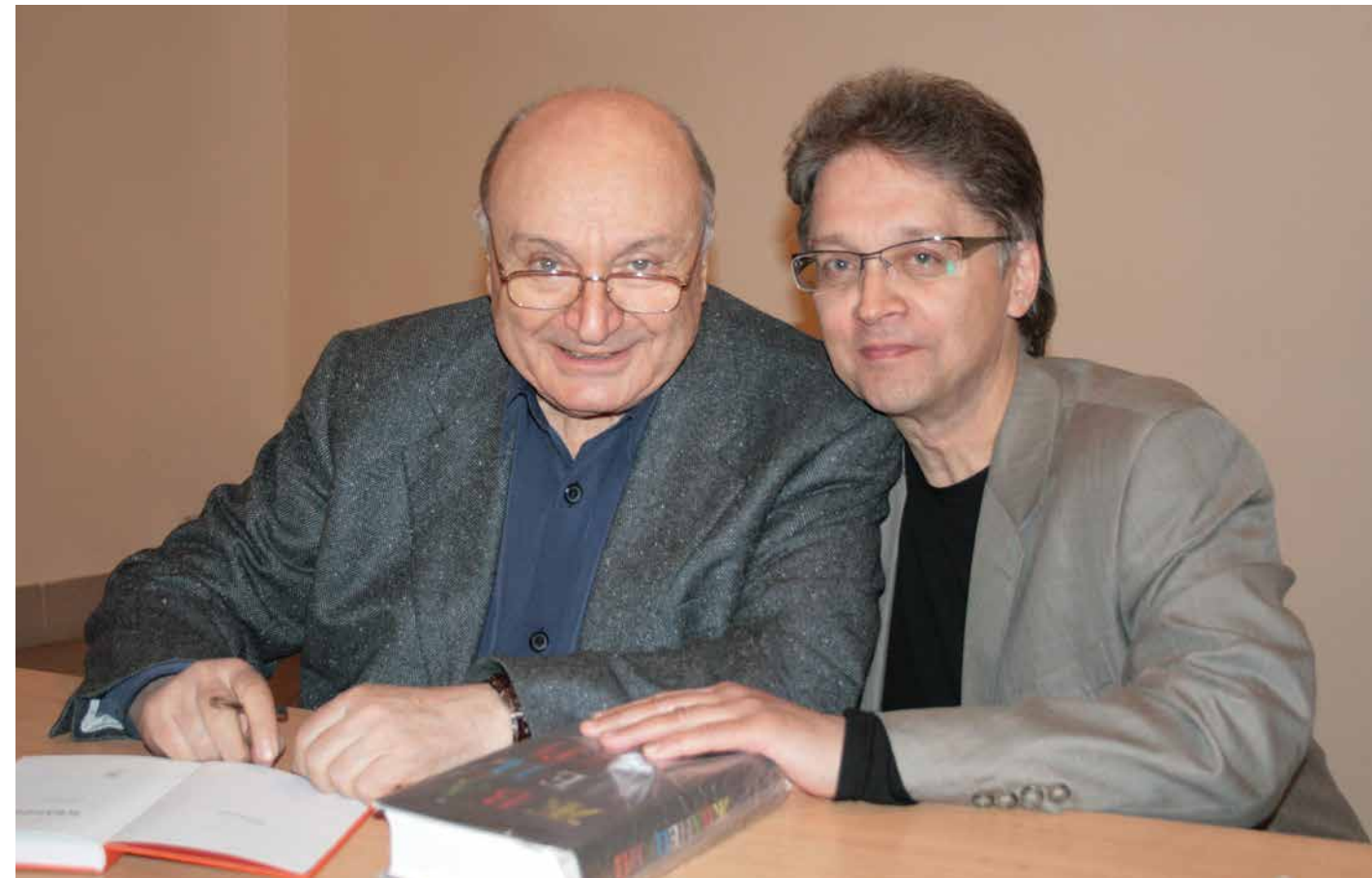
В общем, весьма счастлив, что снабжаю многомиллионное население этой страны какими-то фразами. Надеюсь, полезными! А вот когда меня называют «классиком», я даже не обращаю на это внимание. Даже не краснею. Единственное, надеюсь, что моё творчество не должно умереть так уж быстро»...

МОЙ ЖВАНЕЦКИЙ

Моё знакомство с творчеством Михаила Михайловича состоялось задолго до его публичного сольного дебюта. Дело в том, что с 1964 по 1970 годы Жванецкий работал заведующим литературной частью в Ленинградском театре эстрадных миниатюр под предводительством великого Райкина. И все самые блистательные миниатюры, исполняемые Аркадием Исааковичем, вышли именно из-под пера никому тогда ещё неизвестного начинающего автора. По фамилии Жванецкий. После ухода от Райкина он начал писать номера для своих близких друзей: Ильченко и Карцева. И, кстати, весьма в этом преуспел. Более 300 миниатюр, составляющих репертуар прославленного дуэта, были созданы именно им.

Тогда же стартовала и сольная карьера Михаила Михайловича. Даже не имея доступа к официальным электронным СМИ, очень скоро Жванецкий стал самым цитируемым автором сатирических миниатюр в Советском Союзе. Невозможно даже приблизительно посчитать, сколько его изречений попросту «ушло в народ». «Конечно, огромное количество цитат, – соглашается Михаил Жванецкий. – Всё ушло в народ. И слава Богу! Ну вот моё самое главное: «Что такое история России? – Борьба невежества с несправедливостью!»

А вот лично мне очень нравится следующее: «Сохранились костюмы и обувь, но когда над старинной дворянской одеждой мы видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то

нам мешает поверить в её латынь!» Ну ведь как прелесть! Не правда ли? Или вот такая изящная вещица: «А вы пробовали когда-нибудь зашвырнуть комара? Далеко-далеко! Он не летит. То есть он летит, но сам по себе и плюет на вас. Поэтому надо быть лёгким и независимым!» И ещё не менее изумительный сюжет: «Обращение к политикам. Меня всегда интересовало, почему плохой язык, скверная дикция и отсутствие мысли вызывает такое большое желание встретиться с аудиторией?»

Конечно, из «больших» классических вещей Жванецкого с давних (ещё советских) времён обожаю «Собрание на ликёро-водочном заводе» с рефреном: «Жаль, что нам так и не удалось послушать начальника транспортного цеха». Кроме этого, блистательный «Рассказ подрывника» с выкриком: «Мы ж на барже!» и лично мне профессионально близкую историю «Как делается телевидение», полностью разобранный на цитаты. Главная из которых – «Так что не беспокойтесь, ваше мнение нам известно!» Однако, моё САМОЕ-САМОЕ любимое произведение – это «Консерватория». Напомню, если кто-то вдруг подзабыл этот мини-шедевр. Итак...

«Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь!

Консерватория, частные уроки, ещё одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь!

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь!

Может что-то в Консерватории подправить?»

Ну ведь шедевр! Просто шедевр!

И вот ещё одна величайшая загадка гениальных текстов Михаила Михайловича Жванецкого. Мы их читаем и буквально СЛЫШИМ непередаваемую интонацию Мастера. Видим его жесты. Даже его победно вздёрнутый кулак, когда он хотел выразить солидарность с восторженно принимающим его залом. Вообще, его энергия заряжала всех без исключения...

В 1988 году Жванецкий стал художественным руководителем Московского театра эстрадных миниатюр. А 7 ноября 1990 года он учредил Всемирный клуб одесситов, возглавив его в качестве президента. Девиз клуба: «Одесситы всех стран, объединяйтесь!» С апреля 2002 года по декабрь 2019 года он являлся соведущим еженедельной ночной телепередачи «Дежурный по стране». Но по факту всё-таки он был там главным. Да, собственно говоря, и в советские годы он тоже всегда был ГЛАВНЫМ. Главным по огромной стране! Властителем дум, чьи тексты буквально разлетались на цитаты. Естественно, заветная кассета с записью его выступлений имела и у меня. Затёртая до дыр. Невозможно осознать, какому числу людей он подарил своё творчество. В Москве и Лондоне, Тель-Авиве и Дублине, Санкт-Петербурге и Киеве, Нью-Йорке и Самаре. Конечно, и в его родной Одессе!

Кроме развёрнутых миниатюр, Жванецкий был непревзойдённым мастером афоризмов. Напоследок несколько шедевров: «Не можешь любить – сиди дружи!», «Уходит остроумие – приходит острословие», «Чего больше всего хочется, когда влезешь наверх? Плюнуть вниз!». И главное: «Страх испытывать можно, а бояться не надо!»

P.S.

При нашем личном знакомстве Михаил Михайлович начертал на подаренном им солидном фолианте «Жванецкий/Избранное»: «Анатолий! Примите от автора!» Ну а во время нашей последней встречи на пятом томе своего собрания сочинений: «Анатолий! Спасибо за Ваше внимание! Жванецкий».

К величайшему сожалению, заочно, но сейчас хочу ответить Мастеру: «Дорогой Михаил Михайлович, благодарим за внимание к Вашим преданным зрителям! И за всё то, что Вы сделали для всех нас! Да, собственно говоря, и продолжаете делать! Спасибо!»

Поистине, он был лучом света. И два года назад этот луч погас! Хотя с нами навечно останется его добрая, ироничная, но порой слегка грустная улыбка. Улыбка Михаила Жванецкого...